

Первый послевоенный год

Разбирали здание начальной школы в селе Борищево. Из груды мусора я извлёк серую папку с пожелтевшими листами, сшитыми белыми нитками старым канцелярским способом. Листы были исписаны, где чётким учительским почерком с красивым нажимом металлического пера, раздвоенного к низу, где однотонной вязью пера — тонкошейки, а где и просто помусоленным слюной химическим карандашом.

Это было дело №1 Желоховской начальной школы за 1946 — 1947 учебный год. В папке находились и заполненные бланки статистической отчётности с разлинованными от руки таблицами, и акты подготовки школы к учебному году, и анализ успеваемости детей, и ведомости на зарплату учителей, и переписка с райотделом образования...

В списках учащихся мелькали знакомые фамилии Тряпичниковых, Качаловых, Майоровых, Антоновых, Ковровых, Фролкиных и многих других. Девяносто три учащихся насчитывалось в четырёх классах Желоховской начальной школы.

Мне довелось в семидесятых годах работать с этими людьми, у которых уже свои дети и внуки были школьниками. Они составляли костяк самой многочисленной бригады колхоза имени Ленина. По старому обычаю, заведённому ещё в довоенное время, всеми уважаемый бригадир Анна Дмитриевна Коновалова собирала с восходом солнца колхозников на разнарядку под удары колокола. Все дружно спешили к месту сбора — как раз напротив школы у крутого обрыва, нависавшего двадцатиметровой глыбой над ручейком, пересекающим деревню пополам. До объединения бригада представляла собой самостоятельный колхоз «Пламя». Теперь нет и самого колхоза имени Ленина, и той желоховской бригады. Но хорошо помнят в округе сплочённый коллектив желоховцев. Нужно ли срочно разгрузить вагоны с удобрениями, вырастить рассаду овошей, заскирдовать за погоду сено с соломой — председатель колхоза Б.П. Оконечников поручал это в первую очередь желоховской бригаде.

Основы же дружбы в коллективе, взаимовыручки, трудолюбия закладывались с детства школой в те далёкие послевоенные годы.

Листая документы, ощущаешь, как велико еще влияние прошедшей войны на школьную жизнь. Вот передо мной акт готовности школы к учебному году, подписанный представителем РОНО С.С. Семичастановой, заведующим школой С.Е. Бондаревым, председателем колхоза «Пламя» П.А. Качаловой, парторгом С.И. Ковровым. В акте отмечалось, всё, что смогли работники школы, родители, сделали своими руками: подклеены и побелены классные комнаты, отремонтированы крыша и пол, заготовлены дрова. Но не хватает денег, чтобы закупить стекла, краску, школьную мебель. Не обеспечена школа учебниками, нужны письменные принадлежности.

Калужский поэт и журналист Алексей Петрович Золотин был в то время учащимся третьего класса этой школы. Он рассказывал о забавном случае, произошедшем с ним. Вместо чернил использовали сажу, разведённую в воде. И однажды жирная клякса сползла у него с пера и испортила письменную работу, а учительница «залепила» ему в тетрадь большой «кол». Кстати, он был единственным учеником в классе, против фамилии которого в журнале из этого архива стояли одни «пятёрки», как по результатам четверти, так и годовые.

Гораздо позже А.П. Золотин писал, вспоминая детство:

*«Учебник был один на четверых,
И не хватало ни чернил, ни ручек.
Был тружеником каждый ученик.
И не слышали мы про белоручек.
Какая жажда знаний нас влекла!
Не зря понять я и сегодня стражду,
Как из того далёко - далека
Мы сохранили эту — к знаниям — жажду».*

На очередной странице архивной папки — список детей, нуждающихся в одежде. У третьей части списочного состава учащихся не было самых необходимых вещей. Требовалось 20 пальто, 13 пар ботинок, 19 пар валенок, 4 платья. Как правило, эти школьники были из многодетных семей, или отцы их погибли, или пришли с фронта инвалидами.

Первый послевоенный год А.П. Золотин запомнил таким:

*«Нам в школе флаги выдали,
И мы бежим к шоссе!
Вернулись победители.
Вернулись, да не все.
А мать стоит сторонкою,
Бледна, как полотно.
Наверно, похоронкою
Ей всё пояснено».*

Но вернёмся к архивным документам.

В ежеквартальных докладных записках на имя зав. РОНО

С. Носкова зав. школой С.Е. Бондарев сообщает о ходе учебного процесса, о хозяйственных нуждах школы, просит увеличить бюджет на дрова, на школьные принадлежности, на мел («... на рынке мел дорог, а в магазинах его нет»).

В докладных отражено, что школа «укомплектована учителями». Все четверо учителей имеют «законченное среднее педагогическое образование». Трое из них — выпускники Калужского педучилища. Возраст составляет 24 — 35 лет, а В.А. Васильевой — 54 года, и закончила она восемь классов Калужской гимназии ещё до революции. Но в актах инспекторских проверок по результатам министерских контрольных её педагогическая работа отмечается как самая профессиональная.

Учителя были беспартийными, но они принимали самое активное участие в общественной жизни села: включались в состав избирательных комиссий, руководили десятидворками, организовывали культурно - просветительные мероприятия.

Зарплата учителям выдавалась нерегулярно. Кроме того, очень часто им приходилось то отчислять деньги в фонд помощи детям и сиротам, то подписываться на облигации займа «Восстановления и развития народного хозяйства». Уровень зарплат того времени хорошо иллюстрирует выписка из ведомости за сентябрь 1946 года:

Ф.И.О.	должность	ставка	удержано	к выдаче
Бондарев С.Е. зав.школой	108р.50к.	108р.50к.	466р.50к.	
Васильева В.А.учительница	450р.	68р.44к.	381р.56к.	
Клепикова А.И.учительница	400р.	79р.80к.	320р.20к.	
Коврова А.М.учительница	400р.	69р.09к.	332р.	

Из—за кадрового «голода» в школе долгое время не было пионерской организации. В сентябре 1946 года своим приказом, согласованным с зав. РОНО, секретарь Перемышльского РК ВЛКСМ Шлыкова назначила пионервожатой Желоховской школы А.И. Петухову.

Почти ежемесячно в школу приходили приглашения на очередной день учителя, подписанные зав. РОНО С. Носковым и завотделом агитации и пропаганды Г.В. Цветковой.

Много лет спустя мне приходилось взаимодействовать с Галиной Васильевной Цветковой, когда она была корреспондентом районной газеты и местного радио. Была она из той когорты партийных работников, которые ради выполнения партийного долга добивались в самые отдалённые уголки района. Среди таких людей памятна мне ещё бывший секретарь райкома, учительница по образованию, Зинаида Павловна Домогацкая. Эти женщины находились всегда в гуще народа. Их можно было встретить на пыльных просёлках, добирающихся до колхозников пешком, в кузовах грузовых автомобилей. Им нередко приходилось останавливаться на ночлег в деревенских избах...

В программе дня учителя чувствовалась рука Г.В. Цветковой. Литературно — художественная часть программы состояла из лекций, обсуждений, диспутов ко различным книгам, таким, как «Молодая гвардия» Фадеева, «Проста любить» Ванды Васильевской, или концертов художественной самодеятельности. Обязательно рассматривались вопросы о международном положении, о последних решениях партии и правительства. Докладчики из института усовершенствования учителей знакомили с новинками методики преподавания. Иногда в зале, где проводились мероприятия, устраивались педагогические выставки. Встречи учителей назначались, как правило, на 17 часов, то есть после рабочего дня. Можно представить, как трудно было добираться учителям из глубинки при отсутствии регулярного пассажирского сообщения с райцентром.

Более конкретная, углублённая методическая помощь начальным школам проводилась на совещаниях «кустовых методических объединений» (КМО). Желоховская школа была прикреплена к Сильковской семилетке. В настоящее время существует похожее КМО с прикреплением «девятилеток» к ближайшим средним школам.

Копии направленных в РОНО сведений о детях дошкольного возраста говорят о большой демографической беде первых послевоенных лет, принесённой войной в Желохово.

Если с 1939 по 1942 годы в деревне рождалось по 10 — 16 детей, то в последующие годы — от 2 до 6 малышей. Такая тенденция характерна и для всей страны.

В те годы вместе с родителями принимали участие в тяжёлом труде по восстановлению народного хозяйства, разрушенного войной, все дети от мала до велика. Школа и колхоз тесно взаимодействовали. Это помогало выживать деревне, а школе воспитывать трудолюбивое, уважительное, восприимчивое к чужой беде поколение ребят.

Характерен пример из более поздних времён. Директор Головинской школы А.А. Слонков с председателем колхоза «Новый путь» Комаровым «выбили» деньги на строительство новой школы. В Головинно продолжали учиться после начальных классов и желоховские ребята. Подрядчика было найти трудно. Приняли решение возводить здание хозяйственным способом: деньги и материалы выделяет райисполком, а работа производится своими силами. Вот тогда и возникла поистине народная стройка, в которой самое непосредственное участие принимали родители и школьники на страх и ответственность директора школы.

К тому времени у Алексея Александровича Слонкова был богатый педагогический и организаторский опыт, приобретённый после возвращения с войны в Нижних Вырках, где он учительствовал. Его школьники там неоднократно были призерами Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, ездили в Москву как юные мичуринцы, проводившие интересные научные исследования в своём школьном саду, заложенном под умелым руководством учителя.

Интересна судьба этого учителя. Его дед с берегов Вырки попал в прислуги к семье Л.Н. Толстого в Ясную Поляну. В Ясной Поляне воспитывался его отец наравне с внуком великого писателя. Вместе с «барчуком» отец получил отличное военное образование в Санкт — Петербурге. Потом яснополянский друг эмигрировал, а Слонков — старший стал красным командиром, закончившим боевой путь в звании полковника Советской Армии на должности коменданта прибалтийского города Клайпеды, освобожденного от фашистов.

15 августа 1918 года открылись Калужские пехотные курсы. Первым заведующим курсами был А.Л. Чижевский, а в состав преподавателей наравне с другими входили и Малиновский — будущий министр обороны СССР в 60-е годы прошлого столетия, и Слонков — старший, который чуть не попал под каток репрессий в 1937 году. Сын Слонкова — Алексей Александрович — тоже немало прошагал по фронтовым дорогам, прежде чем вернулся на родину, к преподавательской деятельности в сельской школе.

Углубляясь в чтение найденных документов, ощущаешь двойственность отражённых в них событий. С одной стороны события происходили, кажется, очень давно, ещё в первой половине двадцатого века. Но с другой стороны я это время уже существовал, голопузым двухлеткой «буксывал» по грязи разбитого большака вслед за проходящими мимо нашего дома натружено урчащими в колеях дороги лесовозами, которые возили бревна на железнодорожную станцию Судимир, где и разбомблённый вокзал только что начали восстанавливать военные строители. А мои старшие братья после возвращения из фашистского концлагеря учились в такой же сельской школе, с такими же послевоенными проблемами, отец с матерью таскали на себе из леса брёвна, чтобы успеть к зиме построить деревянный дом и до морозов перевести в него семью из землянки. Мой отец родился ещё в девятнадцатом веке, и ему приходилось попадать под газовую атаку «на австрийском фронте» в Первую мировую войну.

Таким образом, далёкая история одних поколений сливается с сегодняшней жизнью других поколений, составляя единую непрерывную вязь истории человечества. И любые документальные, даже случайные, свидетельства вроде найденной невзрачной папки Желоховской школы только укрепляют её.

Л.Егоренков.
с. Борищево.